

Зомбарт Вернер

**Социализм и социальное
движение**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В35

В35 **Вернер З.**
Социализм и социальное движение / Зомбарт Вернер – М.: Книга по Требованию, 2023. –
178 с.

ISBN 978-5-519-86371-1

ISBN 978-5-519-86371-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ровъ, пролетаріатъ (наемный трудъ) --- изъ пролетаріевъ и социаль-демократовъ. Дальнѣйшее изложеніе покажетъ значеніе различныхъ отношений разнородныхъ формаций: политической партіи и социального класса для хода социального движенія въ разныхъ странахъ.

Итакъ, здѣсь будетъ изложено «соціальное движеніе» нашего времени и освободительныя стремленія социального класса, именуемаго пролетаріатомъ, составляющаго, какъ уже сказано, противоположный полюсъ буржуазіи. Эта послѣдняя, какъ мы знаемъ, представительница капиталистической системы. Сущность обоихъ этихъ социальныхъ классовъ можетъ быть ясна только при знакомствѣ съ особенностями этой экономической системы, господствующей въ наше время. Это ознакомленіе можетъ основываться, конечно, только на немногихъ коренныхъ свойствахъ, отличающихъ капитализмъ.

Капитализмъ создается на почвѣ частнаго владѣнія всякими благами, значить, и необходимыми для производительности средствами, какъ сырой матеріалъ, мастерскія, фабрики, земли и т. д. Ходъ историческаго развитія привелъ къ тому, что производительность идетъ въ «широкихъ размѣрахъ», т. е. много рабочихъ силъ, подъ однимъ общимъ руководствомъ, соединяются для совместнаго дѣла: тысячи людей для разработки копей, или на машиностроительномъ заводѣ, сотни ткачей на большой фабрикѣ. Это развитіе сдѣлало, однако, то, что далеко не всѣ совместно работающіе имѣютъ одинаковое правовое отношеніе къ средствамъ производства. Напротивъ, одни являются собственниками этихъ средствъ, что дѣлаетъ ихъ руководителями производства, и имъ-же достаются готовые продукты; другіе-же, и притомъ большинство, лишены права собственности на средства производства (будучи неимущими), вслѣдствіе чего они вынуждены, чтобы жить, продавать свою трудоспособность (ихъ единственное достояніе) собственникамъ орудій производства. Это дѣлается путемъ договора о наймѣ, въ силу котораго неимущій рабочій обязуется за извѣстную плату исполнять извѣстную работу для собственника, а слѣдовательно, и руководителя производства. Если мы признаемъ, что всякое производство основано на соединеніи живого труда съ вещественными факторами производства, то капиталистическій способъ отличается отъ другихъ прежде всего тѣмъ, что оба фактора производительности составляютъ совершенно различныя группы, которыя должны соединиться, чтобы вышло полезное дѣло (тогда какъ при ремесленной организаціи рабочій является одновременно и собственникомъ орудій производства); затѣмъ, онъ отличается, напр., отъ производства основаннаго на работѣ (при которомъ тоже существуетъ соединеніе различныхъ общественныхъ группъ) тѣмъ, что тутъ соединеніе добровольное, основанное на «свободномъ договорѣ».

Экономическіе-же принципы, руководящіе этой экономической организаціей и своими особенностями кладущіе отпечатокъ на современную экономическую жизнь, суть стремленіе къ наживѣ и экономической ра-

ціоналізмъ. Вся економіческая діяльність — незалежно отъ рѣшеній отдѣльныхъ людей, помимо воли вираженихъ въ общую машину, — направлена на збільшеніе денежного имущества, поглинаемого производствомъ, или, виражаєсь технічески, на помѣщеніе капітала. Лихорадочная работа день и нічъ должна дати неизбѣжний «барышъ». А для этого всѣ помысли капиталистовъ — то-єсть собственниковъ средствъ производства—или ихъ наемныхъ агентовъ, направлена на возможно «цѣлесообразную», раціональную постановку дѣла, въ смыслѣ економіческомъ и техническомъ.

Какъ я уже говорилъ, соціальный классъ, представляющій интересы капиталистической системы, єсть буржуазія. Онъ состоитъ главнымъ образомъ изъ капиталистовъ-предпринимателей, къ которымъ присоединяется цѣлая масса людей, связанныхъ съ ними одинаковыми интересами. При этомъ я имѣю въ виду слѣдующіе элементы: 1) всѣ економічески независимые, или которые желали-бы быть таковыми, при условіи признанія принципа наживы, економіческаго раціоналізма или иного равносильнаго свободно економіческаго строя; слѣдовательно, сюда входятъ: небольшая часть ремесленниковъ, много торговцевъ, домовладѣльцевъ, агентовъ, биржевыхъ маклеровъ и т. п. и среди крестьянъ «цивилизованные», хотя-бы фермеры; 2) всѣ економічески зависимые, но въ тоже время спутники капиталиста-предпринимателя, обыкновенно непосредственно заинтересованные въ успѣхѣхъ предпріятія, получающіе проценты съ дохода директора, довѣренныя, старшіе приказчики и т. п. Мнѣ пришлось збільчить число элементовъ, принадлежащихъ къ буржуазіи, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, до $2\frac{1}{4}$ — $2\frac{1}{2}$ милліоновъ людей въ Германіи, т. е. около 5% всего населенія.

Противоположный полюсъ этому классу (такъ какъ онъ немыслимъ безъ него) я называлъ пролетаріатомъ, это тотъ соціальный классъ, которымъ намъ предстоитъ заняться. Для изученія пролетаріата, надо прежде всего отрѣшиться отъ того представленія, которое вызываетъ у насъ это слово до чтенія Маркса, т. е. олицетвореніе оборванца. Теперь слово пролетаріатъ — безъ всякаго отношенія къ первоначальному понятію — обратилось въ техническое выраженіе и обозначаетъ слой населенія, состоящій на службѣ и жалованьи у капиталистовъ предпринимателей, слѣдовательно, объектовъ капиталистической системы (и сродные имъ элементы). Это слово въ настоящемъ его значеніи тоже заимствовано у французской литературы и введено въ научный нѣмецкій языкъ Лоренцомъ фонъ-Штейномъ (1842 г.). Кто-же эти современные пролетаріи? На что направлены ихъ освободительныя стремленія, которыя мы называемъ соціальнымъ движеніемъ?

Ядро этого класса составляетъ наемный рабочій людъ, т. е. всѣ работающіе въ капиталистическихъ предпріятіяхъ, не заинтересованные въ нихъ лично, какъ «буржуазіиды», о которыхъ я говорилъ выше. Я постарался высчитать—сколько ихъ придется на Германію и нашелъ, что

ихъ не болѣе 7 миллионѣвъ, т. е. приблизительно треть всего населенія. Слѣдовательно, когда Марксъ еще въ 1847 г. говорилъ: «движеніе пролетаріата есть свободное движеніе громаднаго большинства въ интересахъ громаднаго большинства», то это было въ то время, даже для западно-европейскихъ государствъ, «громадное» преувеличеніе, особенно если подразумѣвать пролетаріатъ въ строгомъ смыслѣ, какъ это и дѣлалъ Марксъ. Картина получается, конечно, совсѣмъ иная, если къ этимъ «настоящимъ, чистокровнымъ» пролетаріямъ причислить несмѣтное количество «полукровныхъ». Къ нимъ относятся всѣ «неимущіе», бѣдное населеніе, *il popolo*, «мелкій людъ», истинные пролетаріи среди «независимыхъ» сельскихъ хозяевъ и ремесленниковъ, также и низшіе представители чиновничества, напр., почтоваго и желѣзнодорожнаго. Если такъ расширить рамки, то общее число мелкаго люда,—такъ называемое «рабочее населеніе» въ Германіи составляетъ съ семьями 35 миллионѣвъ людей, т. е. нѣсколько болѣе двухъ третей всего населенія. Это еще, правда, не громадное большинство, но уже большинство, если къ тому-же еще принять во вниманіе приростъ населенія за девятнадцатое столѣтіе. Въ другихъ странахъ съ капиталистическимъ способомъ производительности приблизительно тоже самое положеніе.

Самой сущности пролетаріата я коснусь только въ общихъ чертахъ, изъ которыхъ видна связь, существующая между своеобразнымъ положеніемъ этого общественнаго класса и движеніемъ, представителемъ котораго онъ является. Я подробнѣе разрабатываю эту тему въ статьѣ «Пролетаріатъ», которая выйдетъ почти одновременно съ этой книгой и составляетъ какъ бы ея дополненіе, въ первомъ выпускѣ сборника «*Die Gesellschaft*».

Какъ я уже сказалъ, если хотять составить себѣ вѣрное понятіе о современномъ пролетаріи, не надо представлять себѣ оборванца. Вѣшняя жизненная обстановка далеко не всегда удручающая. Абсолютная нищета вовсе не является специфическимъ признакомъ пролетаріата, какъ общественнаго класса (хотя, конечно, въ его рядахъ насчитывается безчисленное число голодающихъ). Многимъ представителямъ пролетаріата живется далеко не такъ плохо, какъ русскому крестьянину, китайскому кули, или мелкому арендатору, хотя всѣ они не пролетаріи. Многіе наемные рабочіе даже въ Европѣ зарабатываютъ больше профессора университета, а въ Америкѣ средній заработокъ этого класса немногимъ меньше максимальнаго содержанія прусскаго «экстраординаріуса».

Поэтому, движеніе пролетаріата для улучшенія его положенія, сопровождающееся ненавистью, завистью, возмущеніемъ, вызвано не абсолютной нуждой и не въ ней источникъ этого теченія. Оно заключается скорѣе въ контрастѣ, который видитъ рабочій между своимъ, часто стѣсненнымъ положеніемъ, и избыткомъ, въ которомъ живутъ многіе частные къ классу предпринимателей и существованіе которыхъ онъ причисляетъ себѣ, такъ какъ онъ тратитъ силы свои для нихъ. Этотъ

контрастъ сказывается ежедневно не только въ томъ, что онъ видитъ какъ богатство, часто даже въ неѣбной формѣ, выставляется на показъ (бѣдный средневѣковый крѣпостной это тоже видѣлъ), но главное, — онъ видитъ постоянно, что оно растетъ и его обладатели все выше поднимаются у него на глазахъ. Фридрихъ Альбертъ Ланге совершенно справедливо это подчеркнул, говоря: «чувство зависти никогда не пропадетъ окончательно, если бѣдный живетъ около богатого, но оно можетъ значительно притупиться при равномерномъ продолжительномъ положеніи». При перемѣнѣ-же обстоятельствъ и при каждомъ случаѣ, рѣзко отбѣняющемъ контрастъ, это чувство проявляется съ новой силой. Къ этой, такъ сказать, объективной неустойчивости экономическихъ обстоятельствъ въ наше время, которую наблюдаютъ пролетаріи, присоединяется, съ его точки зрѣнія, неустойчивость субъективная, то-есть, неуверенность въ средствахъ существованія: онъ не знаетъ сегодня зарабатывать ли онъ себѣ хлѣбъ завтра. Какой-нибудь экономическій кризисъ можетъ повлечь за собой массовое увольненіе рабочихъ, что, въ свою очередь, оставить безъ хлѣба цѣлое сословіе.

Эта неуверенность поясняетъ пролетарію его положеніе: возрастающее развитіе и образованіе, которому не мало способствуетъ жизнь въ большихъ городахъ, заставляетъ его задумываться надъ причинами этой неустойчивости, надъ причинами разницы его положенія и богатей. Тогда ему открывается тайна, разоблаченіе которой и даетъ поводъ къ современному оппозиціонному движенію рабочаго класса. А тайна эта заключается въ томъ, что его положеніе вытекаетъ не изъ естественныхъ, неизмѣнныхъ обстоятельствъ, а изъ особенной общественной организаціи, изъ самой сути господствующей экономической системы. «Къ природѣ человѣкъ не можетъ предъявить никакихъ правъ, но недостатки въ строѣ общества немедленно принимаютъ форму несправедливости, которой подвергается тотъ или другой классъ». (Гегель). Это даетъ почву, на которой можетъ развиваться социальное движеніе, такъ какъ поводъ найдется: существующій общественный строй.

Но мѣрѣ того какъ критика обостряется, растетъ недовольство и желаніе улучшенія, для пролетарія становится все чувствительнѣе и тяжелѣе другое обстоятельство, тоже опредѣляющее его положеніе: зависимость отъ хозяина. Она, правда, не установлена закономъ, какъ во времена рабства, но такая же неограниченная. Она выражается въ томъ, что рабочій обязанъ служить предпринимателю — подъ страхомъ голодной смерти; выражается въ полномъ подчиненіи въ работѣ приказаніямъ предпринимателя. Она даже часто принимаетъ средневѣковыя формы, если фабрикантъ чувствуетъ себя «патріархомъ» «своихъ» рабочихъ и старается вліять на ихъ частную жизнь. Она заходитъ также въ область политическихъ правъ, когда капиталисты пользуются своей силой, чтобы ограничить путемъ законнымъ или административнымъ воздѣйствіемъ участіе пролетаріата въ государственной жизни.

Увидать откуда вытекает пролетаріатская критика существующаго общественнаго строя, мы должны изучить и другія особенности условій жизни современнаго рабочаго класса, чтобъ понять своеобразное направленіе, на которое мы наталкиваемся во всѣхъ освободительныхъ стремленіяхъ пролетаріата и которое можно охарактеризовать тенденціей къ коммунистическому строю жизни, съ одной стороны, и любовью къ массѣ съ другой.

Любовь къ массѣ и уваженіе къ ней непосредственно вытекаютъ изъ совмѣстной жизни каждаго отдѣльнаго рабочаго съ тысячами ему подобныхъ, которыхъ ничто не соединяетъ, кромѣ общей работы, котрые, какъ песчинки, безъ различій собраны въ кучу и въ фабрики соединяются развѣ только на народныхъ сборищахъ. Капитализмъ собираетъ въ столицахъ и крупныхъ промышленныхъ центрахъ расчлененную массу одинокихъ существъ, окончательно порвавшихъ съ прошлымъ, изытанныхъ изъ всѣхъ прежнихъ общинныхъ условій жизни—родины, деревни, семьи и начинающихъ новую жизнь на крушеніи ихъ прежнихъ идеаловъ. Его единственнаго опора товарищъ по участи, который такъ-же мало значить, какъ единица, но такъ-же мало принадлежитъ къ исторической общинѣ. Они соединяются, становятся товарищами, и такимъ образомъ составляется масса товарищей, которую отличаютъ прежде всего не особенности каждаго, не общія традиціи, а количество, громадность. Никогда не было примѣра въ исторіи, чтобы такое множество сплочивалось для общаго движенія, никогда не было историческаго момента, когда массовое вліяніе выражалось-бы такъ ярко, какъ въ движеніи пролетаріата. Мы всюду слышимъ «гулъ рабочихъ батальоновъ», которыми Лассаль старался запугать своихъ противниковъ. Если мы хотимъ образно представить себѣ общественное движеніе нашего времени, то мы видимъ чудовищную человѣческую войну, изъ которой едва выдѣляется человѣкъ, но она заливаєтъ всю землю насколько хватаетъ глазъ, до самаго горизонта, гдѣ расплываются во мракѣ послѣдніе ея ряды. Переводя это на психологическую почву, это значитъ громадный подъемъ массовой силы въ каждомъ и развитіе массовыхъ этическихъ чувствъ, которыя въ борьбѣ возростають до классовыхъ этическихъ постулатовъ. Въ концѣ концовъ, для пролетарія принадлежность его къ классу имѣетъ такое-же значеніе, какъ для другаго въ былыя времена принадлежность къ дворянству, къ городу, къ государству: онъ съ гордостью говоритъ «Proletarius Sum!»

Подобное раствореніе качественныхъ или индивидуальныхъ различій въ количественной массѣ идетъ параллельно и вліяетъ въ томъ-же смыслѣ на поприщѣ развитія современной техники. Только тотъ, кто пойметъ его особенности, будетъ въ состояніи усвоить себѣ главнѣйшія черты пролетарскаго движенія и объяснить себѣ прежде всего вышеуказанную склонность къ коммунистическому строю жизни.

Такъ называемое «обобществленіе» производства, то-есть все увели-

чивающееся дифференцирование и интегрирование отдѣльных хозяйствъ, ихъ сліяніе въ недѣлимое цѣлое, съ одной стороны, все возрастающая специализація и совмѣстная работа на большихъ фабрикахъ, съ другой стороны, привели къ тому, что готовый продуктъ является не личнымъ произведеніемъ рабочаго, а совмѣстной работой многихъ. Прежде сапожникъ, сдѣлавшій пару сапогъ, зналъ, что онъ единоличныи создатель этой работы; рабочій-же на современной башмачной фабрикѣ, изготовляющій только извѣстную часть въ общемъ производствѣ, утратилъ это личное отношеніе къ готовому продукту. Слѣдовательно, производство и теперь уже фактически коллективное и, единичнымъ рабочимъ, принимающимъ въ немъ участіе, уже не чуждо представленіе коллективной организаціи производствъ. Столичный рабочій, равнымъ образомъ, все больше сродняется съ мыслью общей, — слѣдовательно, коммунистической жизни, — уже путемъ окружающей его обстановки.

Отдѣльная квартира, въ которой больше всего сказываются индивидуальныя наклонности, при скученныхъ квартирахъ для бѣдняковъ теряетъ свою прелесть. Зато рабочій все лучше и лучше себя чувствуетъ въ общественныхъ мѣстахъ, гдѣ онъ гораздо полнѣе можетъ удовлетворить свои умственные и матеріальныя потребности. Народныя читальни, концертныя залы, сады, дѣлаются роднымъ кровомъ для столичныхъ рабочихъ. Общественныя учрежденія, сады, музеи, постоянно совершенствуясь, пріобрѣтаютъ для него тѣмъ больше значенія, чѣмъ уменьшается прелесть его одинокой или семейной жизни. Да и семья распадается, благодаря чрезмѣрно продолжительной денной, а иногда и ночной работѣ внѣ дома, работы женщинъ и ранняго заработка дѣтей. Такимъ образомъ, пролетаріатъ оказывается вынужденнымъ, безъ личнаго тому содѣйствія, перенести центръ тяжести своихъ интересовъ изъ сферы личной жизни въ сферу общественной.

Теперь, для полнаго пониманія современнаго общественнаго движенія, рассмотримъ обстоятельства времени, при которыхъ оно происходитъ, и тутъ достаточно будетъ нѣсколькихъ словъ. Отличительная черта нашего времени — быстрота, подобной которой не было ни въ какія времена. Жизненный потокъ, неизвѣстный прежде, охватилъ теперешнее общество, и это даетъ возможность никогда невиданной быстротѣ общенія. Это объясняется новѣйшими средствами общенія, созданными капитализмомъ. Возможность сообщаться чрезъ огромныя пространства, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, путемъ телеграфа и телефона, газеты, возможность по извѣстнымъ путямъ передвиженія перебрасывать массы изъ одного мѣста въ другое, дало такое объединеніе массамъ, такое чувство сплоченности, котораго не знали прежнія времена. Особенно, конечно, въ столичныхъ центрахъ. Это страшно содѣйствовало массовымъ движеніямъ. Одновременно въ массахъ развилось то, что мы привыкли называть образованіемъ, т. е. знанія, а съ ними и потребности.

Съ этой быстротой неразрывно связана нервность нашего времени,

неустойчивость, неопредѣленность, торопливость всѣхъ жизненныхъ формъ. Благодаря особенностямъ экономическаго положенія, эта торопливость и горячность проникли не только во всѣ отрасли экономическаго, но и вообще всякаго социальнаго быта. Въ свободной конкуренціи проявляетъ себя на всѣхъ поприщахъ: каждый стремится обогнать другого, никому жизнь не мила. Мирный, созерцательный покой не существуетъ.

А самое главное, что можно-бы, пожалуй, назвать революціонизмомъ, это то, что никакое время не переживало такого полного переворота всѣхъ жизненныхъ формъ. Экономическое положеніе, науки, искусства, нравы, религія—все перепуталось, всѣ представленія находятся въ такомъ состояніи броженія, что приходится предположить, что вообще нѣтъ ничего устойчиваго. Это одна изъ важнѣйшихъ причинъ, объясняющихъ современное социальное движеніе. Тутъ двоякое объясненіе: съ одной стороны, безпощадная критика всего существующаго, которая ни въ чемъ не признаетъ ничего хорошаго, отвергаетъ всѣ прежнія вѣрованія, какъ ненужный хламъ, и выступаетъ съ новыми. Подобное критическое направленіе было уже развито въ буржуазіи по отношенію къ политикѣ, нравственности, религіи, искусству; пролетаріатъ также проникся этимъ направленіемъ, которое переходитъ уже на жгучую почву экономическаго и социальнаго строя.

Революціонный духъ порождаетъ фантастическую вѣру въ достижимость какого угодно будущаго положенія. Если такъ много перемѣнилось, если на нашихъ глазахъ осуществились чудеса, о которыхъ никто и мечтать не могъ, отчего не совершиться еще большаго? Отчего не быть всему желаемому? Такимъ образомъ, революціонное настоящее сказывается почвой для социальнаго утопіи будущаго. Эдиссонъ и Сименсъ—духовные отцы Беллами и Бебеля.

Вотъ тѣ элементы, на которыхъ зиждется «соціализмъ и социальное движеніе» нашего времени. Мы узнали исходную точку: капиталистическая экономическая система, съ ея сословными отношеніями между буржуазіей и пролетаріатомъ, между субъектомъ и объектомъ экономическаго положенія, въ которомъ кроется зародышъ недовольства и стремленія къ нововведеніямъ, къ пробужденію массовой воли, къ эмансипаціи. Мы узнали представителя этой массовой воли—пролетаріатъ, (именно объекта господствующаго экономическаго склада)—въ его жизненной обстановкѣ, и постарались найти въ ней объясненіе не только сопротивленія существующему, но и того направленія, которое принимаетъ пролетарское движеніе: идеаль коммунистически правильнаго экономическо-общественнаго строя, въ которомъ однородные интересы массы будутъ по возможности ограждены.

Пролетаріатъ, выступающій за идею еще не историческаго, а слѣдовательно, только идеальнаго будущаго строя, который мы назовемъ социалистическимъ, получаетъ уже характеръ самостоятельнаго социальнаго класса, въ томъ значеніи, какое я придаю этому слову.

Поэтому «соціализмъ и социальное движеніе» не что иное, какъ

осуществленіе или попытка осуществленія этого будущаго, въ интересахъ пролетаріата приспособленнаго общественнаго строя.

Соціализмъ предпринимаетъ осуществленіе въ области мысли, а національное движеніе — въ области дѣйствительности.

Всѣ «теоретическія» старанія указать пролетаріату цѣль его стремленій, вызвать его на борьбу, организовать эту борьбу, указать путь для достиженія этой цѣли, все это вмѣстѣ составляетъ современный соціализмъ. А всѣ «практическія» попытки примѣнить на дѣлѣ эти мысли — составляютъ «современное социальное движеніе». Слѣдовательно, соціализмъ и социальное движеніе только различные виды одного и того же явленія и относятся одинъ къ другому какъ мысль и дѣйствіе, какъ духъ и тѣло.

Задача предлагаемаго труда заключается въ томъ, чтобы изучить развитіе этого двойкаго явленія съ самаго его начала и прослѣдить послѣдовательно такъ-называемые законы этого процесса. Безпристрастные, лично непричастные къ тому, что происходитъ у насъ на глазахъ, мы будемъ наблюдать какъ ботаникъ за растеніемъ, какъ врачъ-теоретикъ за ходомъ болѣзни, «какъ интересный случай».

Въ это изложеніе не войдетъ ничего посторонняго, ненужнаго; я ограничусь только необходимымъ, чѣмъ это изданіе и будетъ схоже съ предыдущими. Слѣдовательно, въ кругъ нашего обзора вовсе не войдутъ всѣ «соціалистическія теоріи» когда либо появлявшіяся и даже далеко не всѣ «соціалистическія теоріи» нашего времени, а исключительно тѣ, которыя получили практическое значеніе при интересующемъ насъ социальномъ преобразовательномъ процессѣ. Мы не собираемся приступать къ оцѣнкѣ Родбертуса, Карла Маркса, Дюринга и тысячи другихъ. Точно также намъ нечего заниматься всякими стремленіями практическаго свойства, которыя теперь стараются быть примѣненными подъ названіемъ «соціальныхъ стремленій». Мыѣ даже ставили въ укоръ, что я держался въ сторонѣ отъ многихъ подобныхъ стремленій. Мыѣ слѣдовало, какъ говорить, заняться также и земельной реформой. Нѣтъ не слѣдовало, если я хотѣлъ ограничить это изслѣдованіе опредѣленной программой и точно также я не могъ включить сюда стремленія противниковъ прививокъ, или представителей новой системы раціональнаго питанія, или реформы жилищъ и всякихъ другихъ реформъ. Сюда относятся только тѣ стремленія, единственнымъ, объявленнымъ представителемъ которыхъ является классъ пролетаріата. Но и то не всѣ, а только тѣ, которыя направлены на переустройство общества изъ капиталистическаго въ социалистическое. Другіе пролетарскія движенія, имѣющія цѣлью улучшеніе положенія рабочаго класса, въ предѣлахъ существующей экономической системы, могутъ быть приняты во вниманіе лишь по столько, по сколько онѣ имѣютъ связи съ тѣмъ великимъ социальнымъ движеніемъ, — безразлично, поддерживаютъ-ли онѣ его, или распинаютъ.

Все это будетъ понятно при дальнѣйшемъ изложеніи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СОЦІАЛІЗМЪ.

I.

Основные идеи современного социализма.

Съ половины восемнадцатаго столѣтія, съ развитіемъ особенностей капиталистическо-экономической системы, появилась новая социальная литература, въ которой величайшіе перевороты отражались, какъ въ зеркалѣ. Почти единственная господствующая литература того времени, которую мы привыкли называть классической національной экономіей, выразилась въ сочиненіяхъ такихъ крупнѣйшихъ ученыхъ представителей, какъ Кеней, Адамъ Смитъ, Мальтусъ, Давидъ Рикардо. Она наивно относилась къ капитализму, стремясь объяснить его сущность, но въ то же время и главнымъ образомъ рекламировала его, какъ величайшую экономическую систему.

Новѣйшая литература, составляющая противоположность господствующему учению, имѣетъ общей основной анти-капиталистическое направленіе; выступая противъ господствующей теоріи, она также идетъ противъ господствующей экономической системы, для которой та была апологетикой. Такое боевое положеніе происходило отъ неяснаго пониманія экономическихъ отношеній.

Новая литература выражаетъ свою враждебность пестрой смѣсью объясненій, требованій, раздѣленій того, что есть, и того, что должно быть. Всякая невыработанная литература начинается въ такомъ духѣ, подобно тому, какъ непривычныя головы съ трудомъ научаются понимать разницу между объясненіемъ существующаго и долженствующаго быть. При этомъ въ новой юной литературѣ сильно преобладаетъ -- это тоже понятно -- практическая черта: стремленіе научно обосновать новыя требованія, новые идеалы.

Разсмотрѣвъ совокупность этой литературы, мы обратимся къ ея отѣткамъ и различнымъ направленіямъ. Тутъ мы увидимъ двѣ группы—реформаторскую и революціонную литературу, но революціонную не въ принятомъ значеніи этого слова, а въ томъ смыслѣ, который я ему придаю. Реформаторская и революціонная литература отличаются тѣмъ, что реформаторская признаетъ въ основѣ существующую экономическую систему капитализма и на почвѣ этой-же системы старается ввести перемѣны и улучшения. Это дѣлается такъ, что предлагаются небольшія, второстепенныя реформы существующаго порядка, главныя-же основы социальнаго строя признаются, но при условіи измѣненія умственнаго склада и духовныхъ сторонъ человѣка. Проповѣдуется искупленіе; хорошіе инстинкты, братская любовь, снисходительность, примиреніе—должны преобладать въ человѣкѣ.

Это реформаторское стремленіе, признающее недостатки и недочеты социальной жизни, но твердо стоящее за господствующую экономическую систему, хотя и желающее смягчить эти недостатки и устранить недочеты, въ предѣлахъ той-же экономической системы, имѣетъ различныя исходныя точки. Эту литературу порождаютъ христіанскія, или этическія или, наконецъ, филантропическія воззрѣнія.

Христіанскія воззрѣнія, въ примѣненіи къ социальному міру, даютъ то направленіе литературѣ, которое мы не вполнѣ точно называемъ «христіанскимъ социализмомъ». Это сочиненія Ламенэ во Франціи, Кингслея въ Англіи. Исполненныя библейскимъ духомъ, онѣ предъявляютъ предпринимателямъ и рабочимъ одинаковое требованіе: «бросьте служеніе Мамону, наполните ваши сердца духомъ Евангелія» и «новымъ духомъ», какъ они сами его называютъ.

Совершенно тождественно звучать голоса первыхъ «этическихъ» національ-экономистовъ, какъ Сисмонди и Томасъ Карлейль, которые неустанно проповѣдуютъ хотя и христіанскій, но социальный духъ. Ихъ лозунгъ—перемѣна міровоззрѣнія. Наконецъ, третье направленіе, которое я называю «филантропическимъ», вызываетъ скорбе къ чувству, чѣмъ къ долгу, или религіи. Многіе мужчины и женщины того времени, исполненные безграничной любовью къ человѣчеству, хотѣли этой любовью сгладить все недостатки, хотѣли въ ней утонить все страданія: «любите другъ-друга, какъ братья», вотъ основная мысль ихъ проповѣдей. Все эти теченія (я указываю только источники, они-же продолжаются и нынѣ) имѣютъ то общее между собой, что они принципиально держатся основъ существующаго социальнаго строя, поэтому я и называю ихъ реформаторскими. Имъ въ противовѣсъ выступаетъ другая, революціонная литература. Революціонная потому, что она принципиально стремится устранить, измѣнить, преобразовать основы капиталистическо-экономической системы. При этомъ она хочетъ это сдѣлать двумя способами, выражаясь кратко: идя, въ одномъ отношеніи—назадъ, а въ другомъ—впередъ.